

СКАЗКА СКАЗОК

Борис Ихлов

Читатель без труда обнаружит в интернете целую подборку виршей Пушкина с использованием непотребного инструментария: «К кастрату раз пришел скрыпач», «Анне Вульф», «Тень Баркова» и пр., честно говоря, невысокого качества. Их можно рассматривать как черновые наброски. Развитие же половой темы блестяще исполнил «резкий, охлажденный ум» гения в описании вполне себе современных реалий:

Иной имел мою Аглаю
За статный вид, за темный ус,
Иной – за деньги, понимаю,
Иной – за то, что был француз,

Клеон – умом ее страшая,
Дамис – за то, что нежно пел.
Теперь скажи, моя Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Но сказка «Царь Никита и его сорок дочерей», бесспорно, принадлежит к лучшим образцам мировой литературы данного направления.

Сюжет основан на следующем: похотливый царь Никита «прижил сорок дочерей от разных матерей», дочки всем удались, но у царевен отсутствовала пиясь.

Царь Никита, прознав, запрещает придворным сообщать девицам, какая с ними беда, бабам обещает «вырезать язык», а «мужчинам что похуже».

А от бабок повивальных
Как узнал о том народ -
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

«Шилка и Нерчинск не страшны теперь...» - поют под шум баргузина пересекающие Байкал, в переводе с татарского «богатое озеро». Акатуй, Шилка, Нерчинск – отдаленные места в Сибири, где располагались легендарные рудники, куда на каторгу ссылали в том числе декабристов. Первая партия декабристов: Волконский С. Г., Трубецкой С. П., Оболенский Е. П., Артамон Муравьев, Давыдов В. Л., Якубович А. И. и два брата Борисовых П. И и А. И. - была отправлена на Нерчинский завод, на Благодатский рудник. Прибыли они 25.10.1826, а через пять дней начали работать на руднике.

В новейшей истории в Нерчинске, в частности, была оборудована тюрьма НКВД.

Итак. Царевны подросли, царь собирает совет, чтобы решить, как вернуть детям приличие. Один из старых советников рекомендует обратиться к ведьме. Царь посылает на поиски гонцов. Поиски гонцов – лишь эпизод, здесь они не способ построения сюжета в фольклорных произведениях, не квест, хотя длятся несколько лет. Однажды царский посол набредает в глухом лесу на избушку, где обитает ведьма. Та соглашается помочь. Призванный ею бес приносит ведьме ларец с половыми органами, предназначенными для царских дочерей:

Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Всё отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла...

Вот истоки, отсюда и наименование филологического факультета пермского госуниверситета, прочно закрепившееся за ним: п...хранилище.

По дороге гонец не уследил: писи превращаются в птичек, которые рассаживаются на дереве. Совершенно случайно проходящая мимо старуха с клюкой – огромный жизненный опыт! - дает ему совет: чтобы приманить птичек в ларец, им нужно показать мужской член. Что и было сделано. Гонец привозит писи во дворец. На радостях царь Никита закатывает пир горой, пьют и закусывают неделю. Не забывает царь отблагодарить и гонца, и ведьму:

Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил)...

«Чтобы понять, какой огарок получила колдунья, - пишет заинтересованный исследователь, - стоит вспомнить, что в Кунсткамере хранились заспиртованные анатомические редкости («Две ехидны, два скелета / Из того же кабинета»). С учетом эротического контекста нетрудно догадаться, что именно мужской половой орган и достался ведьме в награду». Но самое важное, конечно, то, что «стих написан четырехстопным хореем, который использован в сказках «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О мертвой царевне и семи богатырях»... Поэма не могла быть издана, тем более, после восстания декабристов, она передавалась из рук в руки в рукописном варианте. Впервые 22 стиха опубликованы в 1858-м в «Библиографических записках». В том же году начало произведения появилось в «Русской библиотеке», издававшейся в Лейпциге. Полный текст опубликован в советское время в академическом издании» (см. <https://subscribe.ru/group/rossiya-evropa-amerika-dalee-vezde/16517405/?utm%5Fcampaign=subscribe%2Dgroup%2Dsgl&utm%5Fsource=subscribe%2Dgroups&utm%5Fmedium=email>)

Еще важнее, что «Царь Никита...» - фольклорная смесь (жанровая контаминация, читатель) сказки волшебной, сексуальной («заветной») и сказки общественно-бытовой, число сорок – архетипическое... Мда.

Разумеется, творение восходит к похабным народным стишкам, к бытовым народным анекдотам и сказкам, например, собранным Афанасьевым, в числе которых – «Волшебное кольцо», где присутствует образ ведьмы, а более всего – к сказкам Баркова «Девичья игрушка» которые Пушкин знал с детства.

В те стародавние времена, когда нехорошие слова заменяли благозвучными синонимами вроде «неглиже», «соитие», «достоинство», когда еще не знали таких оборотов речи, как «половой акт» или «они переспали», когда еще не использовали латинские термины, слово, обозначающее женский половой орган, либо заменяли многоточием, либо писали прямо, без обиняков.

Посмотрите, как Пушкин подъезжает к поименованию писи:

Душу, сердце всё пленяло.
Одного не доставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Всё равно - не доставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?... Помогите мне, бог!
У царевен между ног...

Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно,—
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.

Отметим, походя, богомольную дуру.

Хотя «Сорок дочерей» не изучали в советских школах, многие продвинутые ученики усердно вникали в текст стихотворения в режиме внеклассного чтения. Благо шедевр присутствует не только в академическом издании, но также в многочисленных собраниях сочинений великого поэта.

Пушкин не ограничился данным стихотворением, в том же духе (см. ниже) он сочиняет «Гаврилиаду», где издевается над тонкими чувствами верующих. Представьте: мало прямого указания, что мать Христа, Мария – еврейка (ужас), так еще и неизвестно от кого понесла: не то от господ нашего, не то от Гавриила, не то от чёрта:

... Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! - как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Современный пиит констатирует:

Наука доказала очень строго,
До теоремы даже довела:
Господь даёт для многих женщин много,
Но лишь еврейка господе дала.

Та истина с тех лет застряла прочно
В умах научно мыслящих людей:
Зачатие тогда лишь беспорочно,
Когда в нём зачинается еврей.

Упомянем стихотворение «Вишня», первые строки которого вошли-таки в советские школьные учебники:

Румяной зарёю покрылся восток,
В селе за рекою потух огонёк.
Росой окропились цветы на полях,
Стада пробудились на мягких лугах.

Огонёк потух, что тут особенного. Но учащиеся средних школ с энтузиазмом продолжали литературные исследования, уж они-то, воспитанные на иллюстрациях с Афродитой и Психеей в книжке Куна, на пособии по акушерству и гинекологии для студентов мединститутов 1977 года издания, на книжке Ларни Марти «Четвертый позвонок», на смачных сладострастиях Ги де Мопассана и откровениях Ремарка, Гасмуна и старика Хэма, на чешском руководстве по джиу-джитсу, где на фотографиях полураздетые для изнасилования красотки выворачивали запястья незадачливым шпанюгам, учащиеся средних школ знали натуру великого поэта и удовлетворенно обнаруживали: «Пастух удивленный всю прелесть узрел». И далее.

К этому же стройному ряду принадлежат и пушкинские строки:
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б...мй, вином и чубуками?

В том же ряду – обращение «Рефутация» к Бомарше (подробнее см. мой сборник «Молчание акул» здесь <http://shtirner.ru/knigi/>, второй в списке).

В том же ракурсе:
Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал,
Не отличался в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть...»

Пушкин не был одинок в своих исканиях, в аналогичном стиле его одарил пародией на «Евгения Онегина» Полежаев.

Похабные сказки имеются в чешском, немецком фольклоре, фольклоре других стран мира. «Линия» Афанасьева-Баркова в наши дни прослеживается у Гашека, ее попытались продолжить такие эпигоны, как Виктор Еврофеев. Венедикт Ерофеев, Саша Соколов, Эдуард Лимонов, Саша Никонов, чьи творения, увы, явно не достигли уровня прежних мастеров, откровенно нарочиты, чернушны, мелкотемны, с превращением матерщины в белый шум, к тому же, глупейшим образом политизированы в дурном буржуазно-либеральном ключе. Наконец, нельзя не упомянуть бессмертную книгу онанима «это я, боринька» 1995 года издательства «Новый Иерусалим» - о современной демократии, выдержанную в верном направлении, переложение «Евгения Онегина» пиитами «Щепки» и сочинения Фимы Жиганца.

Но какова цель, цель-то какая, зачем Пушкину понадобилось эдакое похабство? Что он, собственно, хотел этим мерзким жестом сообщить публике?

Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

Врет. Ясно, имеется и политический подтекст. «Сказка написана в селе Михайловском, в конце марта 1822 года, в период правления Александра I, развратного деспота, любимого внука Екатерины II. Александру приписывают до 11 байстрюков от разных фавориток, известны и его отношения с родной сестрой Екатериной Павловной. «Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда», – пишет о нем Пушкин в поэме «Евгений Онегин». Александр и стал прототипом царя Никиты. Никита в переводе с греческого «победитель», именно так называли Александра после победы над Наполеоном. Царь Никита посылает гонцов к ведьме, и здесь прослеживается увлечение Александра мистикой».

И это все? Разумеется, нет.

Пушкин не считает религию противником, достойным аргументации. Он просто смеется над ней. Над ее заповедью «не прелюбодействуй», над религиозной кастрацией молодого поколения. Напомню, в тот же период против догмы «семи смертных грехов» восстал Шарль де Костер в «Легенде о Тиле Уленшпигеле». Будто заочно полемизируя с Пушкиным, де Костер показывает, что догма разрушается не путем словесных обличений, а лишь пламенем революции.

«Кипение пустое» обличений и насмешек тонет в болоте народного равнодушия, выплескивается в пустоту народного идиотизма, оказывается непонятым и бесплодным. Потому Пушкин пишет:

... Томила жизнь обоих нас,
В обоих сердца жар угас,
Обоих ожидали злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

Однако Пушкин последователен, он не останавливается на «Царе Никите» и «Гаврилиаде» и продолжает оскорблять самые интимные чувства верующих во многих других своих стихотворениях, см. мою статью «Пушкин не верил в бога» пройдя по ссылке <http://shtirner.ru/stati/> (в списке).

Например:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

(Из перевода французского революционного двустихия: «И кишками последнего попа / Сдавим шею последнего короля». Призыв обнаруживается еще в "Завещании" Жана Мелье, мыслителя просвещения.).
Здесь гениальный поэт задолго до Маркса обнаружил связь между властью и религией.

Поскольку мы живем в эпоху малограмотных кретинов, многие кретины отрицают авторство Пушкина. В качестве доказательства пишут, что в стихотворении якобы – психология убийцы! Иначе Пушкин не стал бы Пушкиным! Ведь сам Пушкин писал, что «гений и злодейство - две вещи несовместные»!
Какой-то первичноротый по фамилии Машин пишет.

Во-первых, строка о злодействе взята из поэмы «Моцарт и Сальери», Пушкин, увы, стал жертвой манипулирования массовым сознанием. Легче легкого извальять человека в грязи! Сальери не травил Моцарта,

нет ни единого доказательства этому, да и причин не было. Не Сальери Моцарту, а Моцарт завидовал Сальери, Сальери был не менее велик, чем Моцарт. Сальери побеждал Моцарта в творческих состязаниях, его приглашали самые родовитые особы, Бетховен называл Сальери своим учителем. Миф о Сальери – такой же бездоказательный и грязный, как миф об отравлении Скрипалей, или миф о том, что Ленин немецкий шпион и делал революцию на немецкие (еврейские) деньги, или миф о том, что Россия сбита малайзийский боинг.

Во-вторых, отчего же это вытащить кишки из попа и удавить ими царя – вдруг злодейство??? Наоборот, очень даже хорошее дело.

В-третьих, Пушкин не то, что попа с царем приговаривал, он еще и детей хотел убить! В его «Оде к вольности» читаем:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу!

И как это Эдвард Радзинский не записал Пушкина в предтечи расстрельщиков царской семьи.

Известны по крайней мере три копии эпиграммы про поповы кишки.

Самой авторитетной из этих копий является текст, имеющийся в тетради стихотворений... Тетрадь эта хранится в Пушкинском Доме. Она дошла до нас не полностью... Владелец тетради, Алексей Васильевич Шереметев (1800-1857), двоюродный брат Ф. И. Тютчева, приходился дядей Е. И. Якушкину... Имеется свидетельство, что он был знаком с Пушкиным... Получать тексты стихотворений Пушкина Шереметев мог, если не от самого поэта, то от лиц ему близких. Об авторитетности источников, из которых Шереметев получал тексты стихотворений Пушкина, свидетельствует то обстоятельство, что в тетради нет ни одного стихотворения, из числа ложно приписывавшихся поэту. С другой стороны, тексты стихотворений в тетради чрезвычайно высокого качества, а одно из них, «К Галичу», дает прекрасную послелицейскую редакцию лицейского послания, дошедшую в одной лишь этой копии. К этому нужно прибавить, что А. В. Шереметев был очень близок с декабристами: обе сестры его были замужем за декабристами, одна за М. Н. Муравьевым, другая за И. Д. Якушкиным. А в среде декабристов, конечно, в первую очередь и распространялись политические стихотворения Пушкина. Таковы основания, заставляющие нас отнестись к свидетельству Шереметева с глубочайшим вниманием. На стр. 59-й его тетради имеется такая запись:

«Et ses mains ourdiraient des entrailles du prêtre / Au défaut d'un cordon pour étrangler les Rois etc. *Voltaire*.

Мы добрых граждан позабавим / И у позорного столпа / Кишкой последнего попа / Последнего царя удавим. / А. Пушкин».

Второй список этого стихотворения имеется в сборнике стихотворений Пушкина, составленном в первой половине 1850-х годов Н. С. Тихонравовым (впоследствии известным историком русской литературы, профессором Московского университета). Текст здесь такой же, что и в тетради Шереметева, но без французских стихов; помещен он в разделе «Эпиграммы, надписи и пр.». Третий список имеется тоже в сборнике, составленном не ранее второй половины 1850-х годов и принадлежавшем В. Е. Якушкину. И здесь текст такой же, как у Шереметева. Четвертый список имеется в тетради приятеля Пушкина П. П. Каверина, теперь неизвестно где находящейся. Содержание этой тетради было опубликовано в 1913 г. Ю. Н. Щербачевым в его книге «Приятель Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин»... Среди записей имеется напечатанная Щербачевым в таком виде:

«Подражание Мирабо / Мы добрых граждан позабавим / И у позорного столпа /...../ 11. Н. 824. Калуг.» (Ю. Н. Щербачев, стр. 92).

Таким образом, в записи Каверина не указан автор четверостишия, но, кажется, можно не сомневаться, что Каверин считал эти стихи пушкинскими. В имеющемся на внутренней стороне задней крышки переплета тетради оглавлении эпиграмма помещена среди десяти несомненно пушкинских стихотворений, причем ни одно из этих стихотворений в записи Каверина не имеет под текстом имени поэта. Свидетельство Каверина о принадлежности эпиграммы Пушкину имеет, конечно, не меньшее, если не большее, значение, чем свидетельство Шереметева... Исключительная «нецензурность» ее не позволяла даже упоминать в русской печати этого стихотворения. Впервые назвал его Н. В. Гербель в томике «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», вышедшем в Берлине вероятно в августе 1867 г. В предисловии к этому сборнику Гербель поместил список шестнадцати стихотворений, по словам составителя, «быть может и принадлежащих Пушкину, как утверждают некоторые библиографы, но сильно пострадавших от небрежности переписчиков, так что их трудно признать за пушкинские, без ясных на то доказательств»... Что же касается утверждения Гербеля, что эпиграмма «Мы добрых граждан позабавим...» «сильно пострадала от небрежности переписчиков», почему ее и «трудно признать за пушкинскую, без ясных на то доказательств», то тут умеренный либерал, надо полагать, кривил душой. Текст эпиграммы, конечно, «сильно» не «пострадал от небрежности переписчиков». Не хотелось же Гербелю признавать ее за пушкинскую, конечно, из-за содержания ее, почему эпиграмма и не вошла в сборник Гербеля. Иначе поступил Н. П. Огарев, напечатавший ее в своем сборнике «Русская потаенная

литература XIX века», вышедшем в Лондоне в сентябре 1861 г. Здесь эпиграмма названа «Подражание французскому», и первый стих читается: «Народ мы русской позабавим...» Текст остальных трех стихов такой же, как и в рукописных списках.

Источник эпиграммы неверно указан и Шереметевым, ошибочно считавшим приведенные им стихи сочинением Вольтера, и Кавериныным, приписавшим их Мирабо. Правильное указание источника дано в заглавии эпиграммы в сборнике Гербеля. Третий и четвертый стихи эпиграммы представляют собой перевод стихов:

Et des bouaux du dernier prêtre / Serrons le cou du dernier roi...

приведенных как стихи Дидро Лагарпом в его известном «Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne» (т. XV, гл. III, стр. 136 — по изданию 1817 г.)... И, действительно, Лагарп долго являлся для поэта главным источником его сведений по истории мировой литературы. Таким образом, Пушкин не мог не знать приведенных Лагарпом стихов. Резкое осуждение стихов, имеющееся в его «Курсе», для Пушкина, конечно, могло явиться только лишним поводом переложить по-русски суровые французские строки, к которым он прибавил два стиха собственного сочинения.

Ни в одном из собраний сочинений Пушкина, вышедших в свет до революции, нет даже упоминания эпиграммы. В первом собрании сочинений Пушкина, вышедшем в годы революции под редакцией В. Я. Брюсова, последний в примечании к разделу «Стихотворения, принадлежность которых Пушкину не доказана или сомнительна (Dubia), 1817-1819 гг.», напечатал эпиграмму по сборнику Огарева, заметив, что она находится «безусловно в противоречии с подлинными стихами Пушкина», то есть отрицая принадлежность эпиграммы поэту. Такого же мнения был и Н. О. Лернер, писавший в статье, посвященной выяснению источника эпиграммы: «Насчет Пушкина Гербель был прав: приписывать „Подражание“ ему нет никаких оснований. Оно сочинено, вероятно, в самом начале XIX века, и со временем юный „либералист“ Пушкин лишь читал его так же, как читала вся передовая русская молодежь. Подобными проявлениями французского остроумия и темперамента питалось ее оппозиционное настроение. Так Пушкин тешился „славной шуткой“ г-жи Сталь — о русском самодержавии, омраченном только убийством».

Заявление Лернера, что «приписывать» «Подражание» Пушкину нет никаких оснований — совершенно голословно. Не говоря уже о том, что Лернеру не было известно свидетельство Шереметева, а с записью Каверина он не считал нужным посчитаться... Недавно мы узнали из воспоминаний И. П. Липранди, на какие дерзкие выходки был способен несдержанный поэт, предлагая в Кишиневе на обеде у генерала Д. Н. Бологовского тост в память убийства Павла. Только что «выявленный» кишиневский дневник кн. П. И. Долгорукова сохранил нам пламенные, полные негодования речи поэта против самодержавия и крепостного права. В частности, мы теперь знаем, как Пушкин «нападал на дворян русских», считая, что «их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» (Влад. Бонч-Бруевич. Ценный документ о Пушкине. «Правда» 11.12.1936, см. также: «Звенья», IX, 1951, стр. 100. Публикация и примечания М. А. Цявловского). . . .» (А. С. Цявловский, «Мы добрых граждан позабавим»).

Данная эпиграмма публикуется в собраниях сочинений Пушкина, начиная с Академического издания, т. II, кн. 1, 1947.

«Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает», - говорил Александр I в 1820 году.

Много позднее Лев Николаевич Толстой с его собственной религией был крайне обеспокоен фактом, отмеченным Александром:

«Чтение лекций есть только забавный обряд, не имеющий никакого смысла и, в особенности, забавный по важности, с которую он совершается.

Никто никогда не думал об учреждении университетов на основании потребности народа. Это было и невозможно, потому что потребность народа была и остается неизвестной.

Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя. Теперь для высшего общества нужны либералы по известному образцу, и таковых приготавливают университеты. Ошибка только в том, что таких либералов совсем не нужно народу.

Главное же занятие студентов – чтение запрещенных книг и переписывание их. Это Фейербах, Молешот, Бюхнер и, в особенности, Герцен и Огарев.

Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещения. Я видал у студентов кипы переписанных книг. Это толстые тетради самых отвратительных стихотворений Пушкина и самых бездарных и бесцветных стихотворений Рылеева. Еще занятие составляют собрания и беседы о

самых разнородных и важных предметах, например: о восстановлении независимости Малороссии, о распространении грамотности между народом, о сыгрии, сообща, какой-нибудь шутки над профессором или инспектором.

Университет готовит не таких людей, каких нужно человечеству, а каких нужно испорченному обществу».

Впрочем, помимо замечаний о Пушкине, Рылееве, Герцене или Фейербахе гениальный писатель подчеркнул еще один пикантный момент, который явно не мог укрыться от твоего внимания, читатель!

«Булгарин (стукач охранки, Б. И.) все молодеет и здоровеет, - писал В. Г. Белинский, - а Межевич подает надежду превзойти его и в таланте и в добре. Фаддей Бенедиктович (Булгарин, Б. И.) ругает Пушкина печатно, доказывает, что Пушкин был подлец, а цензура, верная воле Уварова, марает (вымаривает, как ныне удаляют с сайтов, Б. И.) в «Отечественных записках» всё, что пишется в них против Булгарина и Греча. Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от гибельного влияния лукавого запада - делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе, как по матерну. Уваров торжествует и, говорят, пишет проект, чтобы всю литературу и все кабаки отдать на откуп Погодину...» (II, 256—257)

Не забудем, что вместе с Пушкиным оскорбляли чувства верующих Хайам и Хафиз.

Июнь 2020